

УДК 821.161.1

Е. В. Аблогина

«ГОРЕ ОТ УМА» А. С. ГРИБОЕДОВА В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ МЭРИ ХОБСОН

Предпринята попытка сравнительного исследования новейшего перевода комедии «Горе от ума», осуществленного в 2005 г. британской переводчицей Мэри Хобсон. Отмечаются приемы перевода вольного стиха комедии, реалий, историзмов и культурно-специфичных слов, имен персонажей. Основное внимание уделяется возможностям передачи средствами английского языка ключевого концепта «ум».

Ключевые слова: *Горе от ума (Woe from wit), А. С. Грибоедов, перевод, ум, Мэри Хобсон.*

Мэри Хобсон родилась в 1926 г. в Великобритании, сейчас живет в Лондоне. Окончила философский факультет Лондонского университета, имеет степень доктора наук. Кроме того, получила музыкальное образование в Королевском музыкальном колледже и является профессиональной пианисткой. (Интересно совпадение с биографией самого Грибоедова, который окончил философский факультет Московского университета, был виртуозным пианистом и автором популярных вальсов.) В 1988 г. в возрасте 62 лет Мэри Хобсон поступила на факультет славянской и восточноевропейской филологии Лондонского университета, где изучала русский язык и литературу. В 1995 г. она поступила в аспирантуру и вплотную занялась изучением творчества А. С. Грибоедова. Мэри Хобсон – автор трех романов о современной жизни англичан, переводчик сочинений А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина. Ее перевод «Too Clever for Comfort, or the Misfortunes of a Thinking Man» [1]. Ассоциация переводчиков признала лучшим переводом комедии «Горе от ума» на английский язык, за что в 1996 г. Хобсон была награждена Золотой Пушкинской медалью. Примечательно, что после выхода первой редакции перевода комедии интерес к «Горю от ума» в Великобритании был столь велик, что в Лондонском театре возобновили постановку комедии. Мэри Хобсон продолжила работу над «Горем от ума», и в 2005 г. вышла ее книга «Aleksandr Griboedov's Woe from Wit: A Commentary and Translation», в которую вошел переработанный перевод комедии, черновые наброски и обстоятельные комментарии о Грибоедове и его эпохе. Книга была несколько раз переиздана в Великобритании и США.

Переизданный в 2005 г. перевод «Горя от ума» был озаглавлен Мэри Хобсон «Woe from Wit» [2]. Такой вариант перевода заглавия, хотя он и является одним из самых частотных, нельзя считать вполне адекватным, учитывая значение слова «wit» – «остроумие», прочно закрепившееся в сознании английских читателей в связи с творчеством таких английских писателей XVIII–XIX вв., как Шеридан, Конгрив и Уайльд, выведших на сцену героев-остроумцев. В рамках этой литературной традиции под «людьми ума», «остроумцами» стали пониматься те, кто стремится выделиться и отличиться, кому претит практи-

ческая деятельность, кто «одержим тщеславием, нетерпим к порицанию и жаден до славы»; это франты, весельчаки, соревнующиеся в проделках, «в игре утонченного интеллекта», в изобретении новых «модных словечек в издевках над тупицами» [3]. Отождествлять Чацкого с уайльдовским остроумцем, лондонским денди нет оснований, но для англоязычного читателя на уровне ассоциативных связей это происходит, что, несомненно, обедняет характер грибоедовского персонажа.

Одной из трудностей перевода «Горя от ума» является передача вольного стиха комедии: такой стих, лишенный привычной равнотактности, характеризуется повышенной смысловой нагрузкой, которая деформирует ритм и синтаксис, сближая стих с разговорным языком, развивая в нем сказовую, выразительную интонацию, выделяя при помощи коротких строк наиболее выразительные места. Рассмотрим перевод реплики Софьи:

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит? [4, с. 65].

Реплика представляет собой секстину (что не характерно для Грибоедова, предпочитающего катрен), написанную неравностопным ямбом с пиррихием, с точной мужской рифмой, где парная рифмовка чередуется с кольцевой, а женская с мужской, делая речь живой и динамичной. Примечательно, что Грибоедов часто рифмует слова одной части речи, носящие в данном контексте противоположные значения: *ума – чума, опротивит – осчастливит*. Дважды – в первой и в последней строфе – звучит слово «ум», создавая смысловую напряженность, «окольцовывая» реплику. Мэри Хобсон предлагает следующий перевод:

Of course, he hasn't got that sort of *mind*
Which some call genius, others – who are not so kind –
A plague. A quick bright *mind* with which we soon lose patience.
The world may curse it heartily so long

As it will talk about it. Am I wrong?

Can such a *mind* bring happiness to its relations?
[2, p. 74].

Верная оригиналу, переводчица сохраняет секстину, разностопный ямб (но вместо пиррихия использует спондей), точную рифму, чередование открытой и закрытой рифмовки. Рифмуемые слова семантически не противопоставлены, но за счет лексических средств переводу удастся передать живость и динамичность речи, идею реплики.

Что касается перевода имен действующих лиц, то использование транслитерации позволяет сохранить авторские номинации, однако затрудняет и часто делает невозможным перевод языковой игры, основанной на значении имен. Так, любой перевод реплики Чацкого «Ведь нынче любят *бессловесных*» [4, с. 29] будет неадекватным, если имя Молчалина передано транслитерацией и нет комментариев по поводу значения его внутренней формы. Выходом представляется комментирование и разъяснение непереводаемых моментов, как это делает Хобсон. Переводчица избегает англизации, стремясь передать звучание русских имен, и точно следует подлиннику, снабжая перевод необходимыми комментариями (например, оговаривает, что «Lizanka» – уменьшительно-ласкательное от «Liza»).

Одно из достоинств перевода Мэри Хобсон – передача грибоедовских афоризмов. Например:

Нельзя ли для прогулок

Подальше выбрать закоулков? [4, с. 17].

If walking's on the menu

Could you choose some more distant venue? [2, p. 11].

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб! [4, с. 83].

Lord how he deafens one! It's worse than Jericho!
[2, p. 97].

Немалую сложность представляет перевод реалий. Хобсон бережно и аккуратно переводит и поясняет их, что, несомненно, способствует качеству ее перевода. Тем не менее ей далеко не всегда удается передать в переводе значение устаревших и культурно-специфичных слов: «ради», «испужал», «давиче», «искони», «вдругорядь», «девичья», «гиль», «турусы», «рوماتизм», «столбовой», «перст», «толк» (разговоры), «ради» (старинная форма слова «рады»), «желтый дом» и др.

Стремясь передать национальный колорит, Мэри Хобсон оставляет многие историзмы и топонимы в транскрипции. Например, «*versta*», «*barin*», «*Kuznetsky most*», «*Fontanka*». Из всех топонимов опущена при переводе лишь Покровка. По мнению Н. А. Соловьёвой, «чужое слово в английском варианте подчеркивает непохожесть. <...> Перевод сохраняет аромат, непосредственность и свежесть разговорной речи благодаря вкраплению историзмов, что опять-таки подчеркивает особенность подлинника» [5, с. 188–189].

Поскольку комедия «Горе от ума» изначально ориентирована на постановку в театре, важную роль играют авторские ремарки. Грибоедов дает емкие и лаконичные указания о движении персонажей на сцене, об интонациях, с которыми должно произносить реплики и которые также характеризуют авторское отношение к персонажам и происходящему на сцене. Естественно, в данном случае переводчик должен особое внимание уделить переводу ремарок. Для Мэри Хобсон характерно стремление максимально точно и полно передать содержание подлинника, поэтому и ремарки она переводит с большим вниманием к мелочам.

Однако примерная точность и верность оригиналу, свойственная переводу Хобсон, иногда приводит к неточностям и неясностям в переводе. Так, Хобсон передает транслитерацией часто встречающиеся у Грибоедова междометия «Шш» [4, с. 94] и «Тьфу!» [4, с. 37, 101, 108], которые без потерь можно было бы передать английскими «Hush» и «Pah!», избегая непонятных англоязычному читателю слов.

Отдельно необходимо сказать о передаче ключевого для комедии Грибоедова концепта «ум». Для удобства анализа лексические репрезентанты этого концепта в «Горе от ума» условно разделим на три группы. К первой группе отнесем лексические единицы, носящие исключительно позитивные коннотации: «*высокий ум*» [4, с. 112], «*ум бойкий*» [4, с. 63], «*умный*» [4, с. 96, 106], «*поумнеть*» [4, с. 61], «*образумиться*» [4, с. 120], «*умник*» [4, с. 121] – о человеке «умном, образованном науками, ученом, с пронизательным умом и даром слова» [6, с. 665]; «*разумник*» [4, с. 46] – «человек умный, сведущий, ученый, рассудительный и правый, мудрый» [6, с. 655]; «*вразумить*» [4, с. 89] и пр.

Ко второй группе можно отнести слова и выражения с негативной окраской: «*с ума сходить*» [4, с. 64, 85–87, 91, 92, 122], «*с ума прыгнуть*» [4, с. 92], «*свести с ума*» [4, с. 64], «*не в своем уме*» [4, с. 85], «*полоумный*» [4, с. 83], «*безумный*» [4, с. 87, 92, 95, 109, 119, 121, 122], «*сумасшедший*» [4, с. 88], «*в уме расстроен*» [4, с. 93], «*в уме поврежден*» [4, с. 108], «*умы коротки*» [4, с. 96] и т. п.

К третьей группе отнесем выражения с нейтральной окраской: «*иметь на уме*» [4, с. 14, 107], «*прийти на ум*» [4, с. 23, 25], «*по уму*» [4, с. 46, 73] и т. д., а также слова «*(не)уметь/суметь*» [4, с. 18, 23, 25, 35, 47, 58, 64, 67, 99], которые могут получать у Грибоедова в зависимости от контекста то позитивную, то негативную коннотацию. Такое деление совершенно условно, так как в каждом конкретном случае на словарное значение слова или фразы накладывается индивидуальное авторское отношение, поэтому для достижения точного перевода важно учитывать не только контекст фразы и произведения, но и шире – контекст всего творчества Грибоедова и контекст эпохи.

Ум в сознании русского человека наделен рядом свойств и характеристик, типичных для живых и неживых объектов. Н. М. Сергеева указывает 23 группы признаков, присущих русскому концепту «ум»: вегетативные, зоологические, орнитологические, анималистические, гендерные, социальные и др. [7, с. 5]. Так, ум может быть *коротким*, т. е. недостаточно развитым, неполноценным. Носитель такого ума вовсе не является *умным* человеком. Например, Чацкий говорит о русских, слепо поклоняющихся европейской моде в одежде, прическах и даже образе мышления:

«Как платья, волосы, так и умы коротки!..» [4, с. 96].

«Short dress, short hair – *intelligence* is short too» [2, p. 117].

В английском языке такое сравнение звучит неорганично (для определения понятия «*intelligence*» допустимы лишь прилагательные «*low*» и «*high*»).

Уму могут быть присущи характеристики человека, принимающего самостоятельные решения, но в переводе это не находит отражения:

«Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый...» [4, с. 64],

Let's say Molchalin is a *genius*, a bold dreamer... [2, p. 70].

Даже в тех случаях, когда возможно передать реплику точно и полно, переводческое решение часто оказывается не в пользу передачи концепта:

Грибоедов: «Чтоб умный, бодрый наш народ...» [4, с. 96].

Хобсон: «Own *lively* people» [2, P. 116].

Мысль Грибоедова здесь заключается в том, что русские должны жить «своим умом», а не ориентироваться на Запад, поэтому номинация «*lively*», т. е. «живой, деятельный, веселый» – неадекватна.

Теперь обратимся к группе фраз, организующихся вокруг мотива безумия Чацкого. Четырежды повторяющееся восклицание разных действующих лиц о Чацком «С ума сошел!..» [4, с. 85–87] уместнее всего было бы передать одинаково, так как это значимо для сюжета: все действующие лица единогласно признают его сумасшедшим за его вольные мысли и смелость в высказываниях. Одна и та же фраза произносится с одной и той же восклицательной интонацией четырьмя персонажами, что очень выигрышно для произнесения со сцены. Но переводчица использует различные варианты перевода, разрушая авторскую задумку:

He's gone *insane!*

He's gone *insane!*

He's *off his head!*

He's *mad!* [2, p. 102, 103, 104].

Грибоедову для создания мотива безумия достаточно 8 слов и фраз (с ума сойти, с ума спрыгнуть, безумный, сумасшедший, полумумный, не в своем уме, в уме расстроен, в уме поврежден), которые повто-

ряются на протяжении комедии 27 раз. В переводе Хобсон это 12 различных слов и фраз: *insane, lose one's wits, afflicted in mind, madness, turn one's mind, madman, madhouse, go insane, go mad, raving lunatic, silly, out of one's mind, mad*. Очевидно, что разница в звучании и значении отдельных слов препятствует последовательной и адекватной передаче концепта «ум».

С мотивом безумия органично связан мотив болезни: персонажи «Горя от ума» страдают целым спектром физических недугов. Интересно, что ум Чацкого получает в реплике Софии сравнение с болезнью:

Конечно нет в нем этого ума,

Что гений для иных, а для иных чума [4, с. 65].

Мотив болезни оказывается непосредственно связан с заглавием комедии благодаря исконной связи болезни с *горем*, сохранившейся в русском языке: боль – «болезнь, хворь... чувство *горя*, истомы, душевных страданий» [6, с. 47]. Очевидно, что разница в звучании и значении отдельных слов уже не позволит этим понятиям в английском языке сложиться в концепт.

Теперь обратимся к группе лексем «(не)(с)уметь», которые также являются репрезентантами концепта «ум» в комедии и образуют особый критерий для характеристики персонажей. По замечанию А. Зализняка, ум состоит, в частности, в способности правильно предсказывать ход развития событий и потому может отождествляться с *хитростью* [8, с. 159–160]. Грибоедов активно обыгрывает такое значение ума: глагол «(с)уметь» обретает в контексте комедии особое значение – обладая знаниями или навыками, оказаться достаточно *умелым*, проворным и *хитрым*, чтобы осуществить что-либо. Те же персонажи, которые «не (с)умели» чего-либо, оказываются недостаточно *хитры* для того, чтобы стать успешными в глазах московского общества. Например, Фамусов рассказывает Софье, что после смерти ее матери он *умел* найти ей отличную гувернантку, но не повысил ей вовремя жалование, и ее переманили другие [4, с. 18]. В переводе нет слов, близких по значению к «уметь», поэтому передать смысл, вложенный Грибоедовым, переводчице не удается:

Your mother died. Madame Rose was hired –
A second mother was required.

В другом случае Софья говорит Молчалину, что не сумеет скрыть своих к нему чувств, как того требуют приличия, и этим навлечет беду:

Грибоедов: Боюсь, что выдержать притворства *не сумею* [4, с. 57].

Хобсон: I'll *not maintain* this false pretence – I won't know how to [2, p. 65].

Чацкий поражается, как удалось Молчалину завоевать расположение Софьи:

Грибоедов: «Какою ворожкой *умел* к ней в сердце влезть! [4, с. 67]

Хобсон: What sorcery *taught* him to crawl into her heart? [2, p. 77].

Переводчица передает значение конкретных фраз, но не смысл всего диалога, всей комедии. Так, в последнем приведенном примере Чацкий вынужден признать, что Молчалин достаточно *хитер*, чтобы промолчать, когда это необходимо, согласиться, когда это выгодно, «моську вовремя погладить» и т. д. Идея Грибоедова состоит в том, что такие, как Молчалин, добиваются многого в современной ему Москве, где не нужно быть *умным*, но достаточно быть хитрым и прозорливым.

Приведенные примеры отражают общую тенденцию. Мэри Хобсон стремится полнее и точнее передать значение оригинала, однако часто не способна сохранить значение лексических репрезентантов концепта «ум» или передает его с помощью лексем, не имеющих даже отдаленного отношения к заявленному в заглавии «wit» («Woe from Wit»). В комедии Грибоедова 81 репрезентант концепта – однокоренные слова и фразы, их содержащие. В переводе Хобсон – 61, причем эти лексические единицы несхожи по своим формальным признакам (это не однокоренные сло-

ва), они лишь частично передают значение слов-репрезентантов концепта «ум» в оригинале.

Проведенное сопоставительное исследование Грибоедовской комедии и ее лучшего перевода демонстрирует общую тенденцию: трансфер ключевого концепта «ум» при переводе комедии на английский язык крайне затруднен в силу ограниченности возможностей языка-реципиента. Это подтверждает осуществленное нами сопоставление корпуса лексем со значением «ум» в русском и английском языках, которое показало, что в арсенале английского языка нет лексем, способных точно и полно передать специфику русского концепта. Следовательно, переводчик не может передать концепт лексическими средствами, а должен для полноты передачи содержания произведения компенсировать семантические потери на протяжении всего текста.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых и ведущих научных школ № МК-1647.2010.6.

Список литературы

1. Hobson M. Too Clever for Comfort, or the Misfortunes of a Thinking Man. L., 1995. 240 p.
2. Hobson M. Aleksandr Griboedov's Woe from Wit: A Commentary and Translation. L., 2005. 648 p.
3. Конгрив У. Комедии. М., 1977. 357 с.
4. Грибоедов А. С. Горе от ума // Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 9–122.
5. Соловьёва Н. А. Мэри Хобсон – переводчик комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в Пушкинской гостиной филологического факультета // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 1. С. 185–189.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 2004. 735 с.
7. Сергеева Н. М. Концепты *ум*, *разум* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 192 с.
8. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. 540 с.

Аблогина Е. В., ассистент, аспирант.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 34, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: eva@docsis.ru

Материал поступил в редакцию 12.05.2010

E. V. Ablogina

«WOE FROM WIT» IN ENGLISH TRANSLATION BY MARY HOBSON

The article reveals a comparative inquiry of the recent translation of «Gore ot uma», fulfilled in 2005 by a British translator Mary Hobson. Considering ways of translating the comedy's free verse, nationally, cultural and historical based units, names of characters etc., much attention is devoted to the key concept «um» transfer.

Key words: *Woe from Wit (Gore ot uma), Griboyedov, translation, um, Mary Hobson.*

Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634050.

E-mail: eva@docsis.ru